

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАМЕРТИНЦЕВ

Кампанские наемники Агафокла, покинувшие после его смерти (в 289 г. до н. э.) и после продолжительных трений с правительством Гикета Сиракузы, но задержавшиеся на пути в Италию в Мессане, где ими был произведен государственный переворот, рассматриваются в буржуазной историографии как некое подобие средневековых кондотьеров¹.

Известным основанием для этого являются сообщения Полибия и Диодора, хотя уже некоторая противоречивость этих свидетельств должна была бы заставить настроиться исследователя, тем более что в самом имени — мамертинцы, которое присвоили себе и своей новой родине эти наемники, содержится намек на возможность совершенно иного объяснения их поведения в Мессане. Если же принять во внимание то, что говорится о мамертинцах у Феста со слов малоизвестного Альфия (Fest., 150 L.), то даже самым убежденным сторонникам истолкования действий мамертинцев как акта насилия и грабежа должно все же стать ясно, что эти действия наемники совершали под впечатлением весьма интересных с исторической точки зрения идей, стимулировавших их поведение и служивших для них оправданием.

Самые подробные и определенные сведения о действиях мамертинцев, захвативших Мессану, сообщает Полибий (I,7), характеризующий эти события как предательство со стороны мамертинцев по отношению к мессинским гражданам, пригласившим их в свой город и рассчитывавшим использовать их в качестве наемников. Однако Полибий связывает поведение мамертинцев и судьбу Мессаны теснейшим образом с поведением римско-кампанского гарнизона в Регии во время войны Рима с Пирром. Как известно, этот гарнизон поступил по отношению к регийцам совершенно так же, как мамертинцы по отношению к мессинцам. О событиях же в Регии сохранились весьма любопытные свидетельства у Дионисия Галикарнасского и Аппиана, проливающие некоторый свет на социальный смысл переворота, произведенного кампанским гарнизоном Регии.

Полибий пишет, что мамертинцы, будучи допущены в Мессану как друзья, взяли власть в городе в свои руки; граждан частью перебили, частью изгнали, а их жен

¹ R. Engelmann, Bilder-atlas zu Ovids-Metamorphosen, Lpz., 1850, табл. VIII, 55, 57.

² Ch. Diehl, Manuel d'art Byzantin, P., 1910, стр. 563, № 271.

³ C. Wessely, Griechische Zauberpapyrus von Paris und London, Wien, 1888.

¹ Под этим углом зрения рассматривалось и восстание римско-кампанского гарнизона в Регии. Вопрос же о социальной стороне истории мамертинцев в Мессане не ставился до сих пор в литературе. См. J. Beloch, Griechische Geschichte, т. IV, ч. 1, 1925, стр. 542 сл.; E. Pais, Histoire romaine, т. I, P., 1926, стр. 214, слл.; A. Holm, Geschichte Siciliens im Altertum, т. II, Lpz., 1874, стр. 227(485 сл.); J. Ciaceri, Storia di Sicilia, т. 1, Roma, 1950, стр. 413 слл.

и детей, равно как и имущество, поделили между собой. Кто такие были мамертинцы? Полибий называет их кампанцами. Известно, однако, что наемники Агафокла состояли из представителей различных, преимущественно южноиталийских племен (Diod., XX, 3), поэтому обозначение Полибия следует понимать в более широком смысле и в кампанцах видеть людей, говорящих на осском языке. В пользу этого свидетельствуют следующие факты: прежде всего, Альфий (у Феста) называет их выходцами из Самния, каковыми, впрочем, и были многие кампанцы. Но из Самния Альфий приводит их не в Кампанию, а в Бруттий, так как тот пункт, где он их поселяет — *Taurisana*, — должен быть сопоставлен с Таврианой близ Локр².

Здесь же был расположен и Мамерций наименование которого, видимо, определенно отразилось в имени мессинских мамертинцев, переименовавших Мессану в Мамертину (по свидетельству Диодора, XXI, 18, 1), вероятно, идентичную тому малоизвестному сицилийскому городу Мамерцию, о котором упоминает Орозий (IV, 9, 6) в связи с рассказом о сицилийском восстании рабов. Об осском языке и осской культуре мамертинцев свидетельствуют непреложно мессинские монеты эпохи их владычества над городом с легендами не только на греческом языке (*Μαμερτινῶν*), но также и на осском (*Μαμερτινῶν*). Известны, кроме того, осские надписи из Мессаны (RE, доп. том VI, стб. 240), которые должны быть отнесены ко времени начала владычества мамертинцев.³

Мамертинцы, как сообщают все источники, были *μισθοφόροι* (наемниками) сиракузского тирана Агафокла. О кампанских, луканских и других южноиталийских наемниках на греческой, карфагенской и римской службе знаем мы и из других источников. Судя по той роли, которую играли лигурийские и кельтские наемники в Ливийской войне, по поведению кампанцев в Регии, о чем речь будет идти подробнее ниже, это были люди, оторванные от хозяйства, лишенные нормальных средств к существованию, живущие надеждой на военную добычу, полные зависти и ненависти к богатым чужеземцам, к которым они испытывали, несомненно, и классовую вражду.

Мамертинцы были приняты в Мессане сначала как друзья и союзники *φίλοι καὶ σύνταχοι*, сообщает Диодор (там же). Это же подтверждает, как мы знаем, и Полибий (I, 7, 3). Некоторые данные позволяют к тому же думать, что мамертинцы вообще не были в Мессане столь чуждыми людьми, как это могло бы показаться с первого взгляда. Осский (южноиталийский) элемент был очень силен в Северо-Восточной Сицилии с глубокой древности (Thuc., VI, 2, 4), в отношении же времен, более близких к интересующим нас событиям, драгоценным является свидетельство Платона (Epist., 8), сообщавшего на основании личных наблюдений, что сицилийским грекам угрожает забвение родного языка перед лицом весьма сильного влияния языка пунийцев и осков. Следует поэтому думать, что пришедшие в Мессану мамертинцы могли быть здесь приняты не только как друзья, но и как кровные родственники.

Подробности произошедшего мамертинцами государственного переворота неизвестны. Самый его характер определить не так-то легко на основании отрывочных и противоречивых данных источников. Полибий, повторяем, говорит, что мамертинцы, прельстившись богатством мессинских греков, ночью захватили в городе власть, часть граждан перебили, часть изгнали, завладели их семьями и поделили между собой их имущество (I, 7, 4). Уже и из этого сообщения видно, что речь идет не о тривиальном разбойничьем акте, но о попытке организованной экспроприации имущих слоев, поскольку имущество (имеется в виду, и Полибий это подчеркивает, в первую очередь недвижимое имущество: дома и земельные участки) было, по-видимому, на основании специального акта разделено и обращено в собственность новых владельцев (Polyb., I, 7, 5). Есть к тому же некоторое основание полагать, что мамертинцы обратили захваченные у убитых и изгнанных мессинских граждан земельные участки не в личную, а в общую собственность, поскольку Альфий (Fest., 150, 31) говорит о мессинском *communio* агротом эпохи мамертинского владычества.

Однако сообщения об организованном разделе имущества в источниках затуманиваются и во всяком случае отступают на задний план перед известиями об избитии граждан и об овладении их женами. Есть основание думать, что и «избиение» богатых граждан было не актом одностороннего насилия, а результатом происшедшей в Мессане гражданской войны, так как даже Полибий, наиболее враждебно относящийся к мамертинцам автор, говорит, что граждане были частично изгнаны и лишь частично перебиты, из чего можно заключить, что убиты были только те, которые оказывали сопротивление. У Диодора, повторяющего утверждения об избитии граждан и о захвате их жен, находим, однако, еще более ценное указание, подтверждающее государственный характер произошедшего мамертинцами переворота, с одной стороны, и ограничительный смысл рассказов об избитии граждан, с другой. Диодор сообщает (XXI, 18, 2), что мессинские граждане, не согласные с новой народной властью, не были включены в новые гражданские списки (*ψήφος*), утвержденные правителем (демархом) мамертинцев.

² Ptolem., III, 19; ср. Mela, II, 68.

³ Th. Mommsen, *Unteritalische Dialekte*, I. p., 1850, стр. 196.

Эта новая народная власть обозначена у Диодора словом *δημαρχία*, выразившим первоначально понятие власти главы аттического дема (рода), восходящее, таким образом, к представлению о родовом старейшине и перенесенное затем на понятие римского трибуна. Мамертинский демарх, о котором упоминает Диодор в указанном месте, на оском языке назывался *meddix* или, по словам Ливия (XXVI, 6, 13), *meddix tuticus*, что служило обозначением высшей магистратуры у осков. Существование демархов как высших магистратов засвидетельствовано также в кампанском Неаполе (Strab., V, 4,7). Упоминание *meddices* в многочисленных оских надписях свидетельствует о сакральном и военном значении их власти, по своему характеру и происхождению приближавшейся к власти племенного вождя или царя. Упомянутая выше осская надпись из Мессаны (Моммзен, ук. соч., стр. 193) называет двух мамертинских *meddices*, тогда как у Диодора речь идет о демархе лишь в единственном числе.

Таким образом, следует представить себе, что передел имущества в Мессане был произведен под руководством демарха или демархов, которые внесли в гражданские списки и наделили землей лишь тех из мессинских граждан, которые выразили свое подчинение и сочувствие новым порядкам. Что касается захвата мамертинцами жен убитых и изгнанных мессинцев — факт, на котором настаивают источники — то независимо от того, насколько он был реален в данном случае, его следует признать характерным сопровождением социальных движений древности: о захвате жен рабовладельцев повествуют легенды о восстаниях рабов в Скифии (Herod., IV, 2) и в древнем Тире (Iust., VIII, 3), на подобных поползновениях настаивают сообщения о захвате кампанскими наемниками Энтеллы в Сицилии около 40 г. до н. э. (Diod., XVI, 9,9), о попытках восстания римских гарнизонов в Кампании в эпоху Первой Самнитской войны (Liv., VII, 38 сл.; App., Samn., 1) и о поведении кампанского гарнизона в Регии во время войны Пима с Пирром (Dion. Hal., XX, 4, 10), побужденного в своих действиях, по словам Полибия, примером мамертинцев и их поддержкой.

О восстании римско-кампанского гарнизона Регии около 280 г. до н. э. сохранились также весьма скудные и отрывочные известия. При этом они не во всем согласны между собою. Так, Полибий (1, 7, 6) и Диодор (XXII, 1, 2), сообщения которых восходят к Фабию Пиктору, относят посылку римлянами гарнизона в Регий к началу войны с Пирром, тогда как Дионисий Галикарнасский, пользуясь другими, как показал Белох⁴, более точными данными, имеет в виду несколько более раннее время — 282 г. до н. э., когда Фурии подверглись нападению brutтв и луканов, грабивших их земли. Это свидетельство косвенно подтверждает и Полибий. Полибий сообщает, будто регийцы сами просили римлян о помощи, что было бы маловероятно, если бы это событие действительно относилось ко времени войны с Пирром; регийским грекам было естественнее всего просить защиты у Пирра, что они, впрочем, как будто и не преминули сделать, уже имея в стенах своего города римский гарнизон⁵. Это последнее обстоятельство и послужило, вероятнее всего, ближайшим поводом для учиненного Децием Юбеллином (кампанцем, военным трибуном, командовавшим римским гарнизоном в Регии) государственного переворота в городе. Гарнизон этот, по словам Дионисия Галикарнасского, состоял из кампанцев и отчасти сидионцев — жителей области на границе Кампании и Лация (XX, 42), составлявших, очевидно, вместе один легион, о котором и говорит как о *legio Campana Livii* (Perioch., 15).

Истинной причиной переворота Дионисий выставляет зависть, развившуюся в кампанцах к богатой жизни регийских граждан, на пирах которых в их просторных и роскошно обставленных жилищах они присутствовали в качестве гостей. Большую роль в создании соответствующих настроений среди кампанцев играл, по словам Дионисия, писец Деция, которого он, не скупясь, наделяет всякими скверными качествами (*παυροῦρον ἀνδρα καὶ πάσης πονηρίας ἀρχιτέκτονα*). В этом человеке, представителе интеллигентного труда, не чуждом, быть может, весьма распространенных стоических идей, следует видеть вдохновителя и идеолога этого восстания, так как именно он, по свидетельству Дионисия (XX, 4, 4), приводил кампанцам в пример успех предприятия мамертинцев в Мессане и советовал, перебив регийских граждан, поделить между собою их имущество.

Мессинские мамертинцы служили для регийских кампанцев не только примером, но и оказывали им прямую поддержку — об этом свидетельствуют единодушно все сохранившиеся источники. Дионисий же прямо говорит о военном союзе (*συνμαχία*), заключенном между командиром кампанского гарнизона в Регии Децием и мамертинцами (XX, 4, 11). Весьма возможно, что предательство регийцев по отношению к римлянам и их попытка открыть ворота города для войск Пирра послужили лишь поводом для действия кампанцев. Впрочем, Дионисий Галикарнасский (XX, 16) сохранил параллельный рассказ, соответственно которому восстание регийского гарнизона было подавлено лишь в 270 г. до н. э. консулом Г. Генуцием. Для согласования со своим предшествующим изложением Дионисий относит это сообщение ко второму восстанию в Регии (*δευτέρα ἐπανάστασις*). Однако как из

⁴ J. Beloch, Griechische Geschichte, т. IV, 2, Lpz., 1927, стр. 480.

⁵ Dion. Hal., XX, 4, 5; App., Samn., IX, 1.

рассказа о ходе и исходе этого восстания, так и из сообщения Полибия (I, 7, 10, сл.; ср. I, 6, 8) явствует, что речь идет все о том же восстании под руководством Деция и его писца, конец которого, таким образом, быть может, имел место лишь в 270 г. до н. э.

Римляне жестоко расправились с кампанцами. Зачинщики (а по версии, изложенной у Dion. Hal., XX, 16, весь гарнизон) были казнены в Риме на форуме после жестокой и позорной экзекуции. Деций и его писец покончили жизнь самоубийством (Dion. Hal., XX, 5, 8).

О ходе событий в Регии после переворота, произведенного Децием с согласия остальных командиров и лучших из воинов, созданных им на собрание (XX, 4, 4), известно только, что регийские кампанцы поступили точно так же, как и мамертинцы (Polyb., I, 7; ср. Diod., XXII, 2 сл.), с которыми Деций, осуществлявший в Регии верховную власть (ἐγεγόνει τέραννος), поддерживал тесные отношения. Из XX, 16 Дионисия Галикарнасского следует, что кампанцы, подобно мамертинцам, часть регийских граждан принудили к изгнанию. Военный союз с мамертинцами, о котором уже упоминалось, предполагал, вероятно, некоторые совместные действия, ибо регийцы, подобно мессинцам, нападали на соседние города и захватили, в частности, Кротон (Zon., VIII, 6) и Каулонию (Paus., VI, 3, 12), причем в первом из названных пунктов ими был уничтожен римский гарнизон. Следует предполагать и другие мирные отношения региона с мамертинцами, о которых, впрочем, ничего не известно, за исключением анекдота явно римского происхождения о том, что мессинский врач Дексикрат (по происхождению региец) в отместку за убийство своих соотечественников ослепил каким-то ядовитым средством страдавшего болезнью глаз Деция⁶.

Ввиду того что все источники, в особенности же Полибий и Дионисий, подчеркивают связь и общность событий в Мессане и Регии, следует предположить, что и мамертинцы, и регийские кампанцы действовали под влиянием одних и тех же руководивших ими идей, о которых, по крайней мере в отношении мамертинцев, можно составить некоторое представление.

Выше уже была речь о том, что Фест сохранил совершенно отличную от всех прочих версию истории захвата Мессаны мамертинцами, восходящую к некоему Альфию, автору «Карфагенской войны». Этот Альфий, как показал Цихориус⁷, жил не позже времени Августа, а произведение его являлось, скорее всего, не историческим трудом, но эпосом, нарек на который содержится, быть может, у Овидия (Ex Ponto, IV, 6, 23).

Действительно, название Bellum Carthagenense представляется совершенно необычным для латинской исторической литературы, именовавшей войны с Карфагеном «пуническими». Что касается имени Альфия, то оно, будучи осским, встречается в осских надписях, а также в греческих надписях восточной части Сицилии, где, как уже отмечалось, был силен осский элемент. Мы в праве, таким образом, видеть в Альфии человека кампано-самнитского, быть может, даже мамертинского происхождения, излагавшего в своем произведении ту именно версию истории возникновения мамертинцев, которую он слышал в самой мамертинской среде. Мамертинскую версию Альфия считал уже Моммзен (ук. соч., стр. 196), а также Белох, называвший ее мамертинским сказанием о своем происхождении (ук. соч., IV, ч. 1, стр. 543, прим. 1). Имя мамертинцев было живо в Сицилии весьма долго. Мамертинцами называют мессинцев еще Цицерон (Balb., 52). Но за два с лишним столетия, истекших со времени мамертинского переворота в Мессане до эпохи Августа, исторические сказания, устные или письменные, передававшиеся в мамертинской среде, должны были подвергнуться изменениям, поскольку и сами мамертинцы за это время переменились.

Совершив описанный переворот, мамертинцы первоначально продолжали, подобно своим соседям и союзникам — регийским кампанцам, захватывать и грабить богатые греческие города Камарину и Гелу, объединив вокруг Мессаны, очевидно, на тех же принципах, какие были провозглашены в самом городе, значительную территорию на северо-востоке Сицилии вплоть до Кентурицы. Эта территория включала города Милу, Алезу, Тиндариду, Абакен, Амесел (Diod., XXII, 13, 1 сл.) Такое расширение владений мамертинцев не могло не вызвать резкого противодействия со стороны сицилийских греков и более всего со стороны сиракузского тирана Гиерона Младшего, воевавшего с мамертинцами с переменным успехом около пяти лет, вплоть до победы при Лонгане (Летане, Polyb., I, 9, 7; Diod., XXII, 13, 2) в 265 г. до н. э. Местное сицилийское население в некоторых городах, занятых мамертинцами, частично сочувствовало последним. Это явствует из указания Диодора (XXII, 13, 1), свидетельствующего, что жители Амесела защищались от Гиерона весьма храбро. После взятия города Гиерон принял в свое войско лишь «невинных» (ἀπολύτας τῶν ἐγγυλάτων), а земли, принадлежавшие амезельцам, поделил между кентурипцами и агринеяцами.

Мамертинцев, однако, как и во время войны с Пирром, спасли от окончательного поражения карфагеняне, так же как позже, в начале Первой Пунической войны, их

⁶ Dion. Hal., XX, 5, 2 сл.; ср. App., Samn., IX, 2.

⁷ C. Cichorius. Römische Studien, 1922, Lpz., стр. 58 сл.

скрепя сердце, поддержали римляне против соединенных сиракузско-карфагенских сил по настоянию народа и при противодействии сената (Polyb., I, 11 сл.). Однако потерявшие в борьбе с сицилийскими греками все свои территориальные приобретения, лишенные поддержки Регия, союзничавшие с Карфагеном, а затем с Римом мамертинцы были уже, конечно, не такими, как 20 лет перед тем, когда они совершили социальный переворот в Мессане. У ближайшего поколения мамертинцев те идеи, под знаком которых их отцами был совершен этот переворот, неминуемо должны были утратить свою остроту, так же как подчинившаяся карфагенским и римским порядкам мамертинская община неминуемо должна была обратиться в обычную рабовладельческую общину. Естественно, что в этих условиях рассказ о происхождении мамертинцев должен был постепенно принять такую форму, в которой он не мог шокировать мамертинское потомство. В таком деградированном виде и должна была попасть в руки Альфия история происхождения мамертинцев, в интересы которого вряд ли входила забота о восстановлении исторической истины.

Но даже и в таком виде, как мы ее находим у Феста, легенда о мамертинском происхождении дает весьма много для понимания идей, вдохновлявших первое поколение мамертинцев. Из рассказа Феста мы узнаем, что когда в Самнии вспыхнула чума, то Стенний Меттий, вождь того самнитского племени или рода, от которого происходят мамертинцы, испросив Аполлона, узнал, что исцеление может быть произведено лишь по совершении обряда «священной весны», т. е. по высылке на новые места поколения, родившегося в данном году. Покинувшая в силу этого обычая Самний молодежь поселилась в Тавриконе, куда ее призвали на помощь жители Мамерция — мамертинцы, воевавшие с соседями. В награду за эту помощь, пришельцы были приняты в гражданство и наделены общинной землей (*et in suum corpus communionemque agrorum invitarunt — sc. mamertenses — eos*). После этого все члены общины стали называться мамертинцами, от имени их избавителя бога Мамерса, осского Марса.

Упомянутые в этом рассказе имена собственные подтверждаются эпиграфическими и другими историческими данными. Прежде всего, имя племенного вождя Стенния, выведшего мамертинцев из Самнии, находим в качестве имени одного из двух *meddices*, названных в уже упоминавшейся осской надписи из Мессаны, относящейся к раннемамертинской эпохе. Этим свидетельствуется его подлинность в том смысле, что оно было в употреблении у мамертинских вождей эпохи захвата ими Мессаны. Тавриконе, откуда выводили себя мессинские мамертинцы, как уже было сказано выше, должна быть отождествлена с южноиталийской Таврианой. Причастность же мамертинцев к культуре Аполлона, волею которого, соответственно рассказу Альфия, произошло переселение самнитов, подтверждается все той же осской надписью из Мессаны, представляющей собою вотив мамертинских правителей Аполлону. Это божество изображается также на мамертинских монетах (Гольм, ук. соч., стр. 487) с эпитетом Архегета, т. е. вождя или царя — основателя общины.

Обряд «священной весны» (*ver sacrum*)⁸ засвидетельствован в качестве самнитского или сабелльского легендарного обычая, под знаком которого совершалось в глубокой древности расселение сабелльских племен. Божеством, в честь которого совершался обряд «священной весны» и которое руководило переселением и служило основателем новых поселений, являлся общепиталийский бог плодородия и родоначалья Марс, чьим именем (или именем его священных животных, указывавших переселенцам дорогу) называли себя новые общины. Таким происхождением гордились марсы, марруцины, гирпины, луканы, пиценты. Самнитский Бовианум был основан, по преданию, указанием Марсова быка. Самое имя Италия, прилагавшееся, как известно, первоначально лишь к южной части Апеннинского полуострова, возникло, соответственно весьма распространенной в древности легенде (Dion. Hal., I, 35), от осского наименования теленка (молодого быка) — *vitulum*. Подтверждением прочности этой этимологии в сознании италийских племен, а стало быть, и цепкости связанных с ней мифологических представлений, являются монеты Корфиния, бывшего центром средне- и южноиталийских повстанцев в эпоху союзнической войны (91—88 гг. до н. э.), с легендой *vitellii* и с изображением Марсова быка, растаптывающего (Марсову же) волчицу, что символизировало борьбу за освобождение от власти Рима. Из этого следует, что вокруг представлений об общепиталийском Марсе как о божестве расселяющихся и утверждающих свое существование племен группировались еще и в I в. до н. э. борющиеся за свою независимость марсы, самниты и другие италики⁹. А из рассмотренного выше повествования Альфия о происхождении мамертинцев явствует, что совершенно аналогичные представления составляли идеологический арсенал последних в эпоху их утверждения и активности в Сицилии. Возникновение

⁸ F. Althelm, *Römische Religionsgeschichte*, т. II, Baden-B., 1953, стр. 17 слл. Наиболее полный обзор источников для истории обряда *ver sacrum* содержит статья W. Eisenhut, *RE*, zw. R., п/т 15, стб. 911 слл.

⁹ Cp. G. Hermansen, *Über den italischen und den römischen Mars*, Kopenh., 1940, стр. 99 слл.

обряд «священной весны» и распространение культа Марса, как солнечного божества плодородия, под эгидой которого происходит приумножение, разделение и расселение племей, должно быть отнесено ко времени этногенеза сабелльских племен и их распространения по средней и южной Италии, происходившего особенно бурно в VII—V вв. до н. э. Следует полагать несомненным, что распространение сабеллов под водительством Марса было связано с теми же представлениями о счастливой и богатой жизни, которые связывались с легендарными царствованиями Сатурна, Фаунаса, Пикуса (т. е. того же Марса) и других богов-царей, основателей латинского племени и его общин. Эти идеи, как известно, легли в основу легенды о «золотом веке», весьма распространенной в древности, связанной с наиболее популярными празднествами (Сатурналиями, Дионисиями и др.), питавшей настроения общественных низов и использовавшейся в общественных верхах для прикрытия классовых противоречий и поддержания социального равновесия¹⁰. Весьма вероятно, что подобные же «сатурнические» идеи присутствовали и в умах регийских кампанцев. По свидетельству Ашиана (Samm., IX, 1), переворот в Регии произошел во время общегородского праздника, сопровождавшегося общественным пиршеством. Такие праздничные пиршества имели всегда, как известно, более или менее ярко выраженный «сатурнический» характер: были связаны со льготами и свободами для рабов и простонародья, что в трудные времена должно было лишь подчеркивать их бесправие и подогревать их революционные настроения. Нет ничего удивительного в том, что мамертинцы связали свои стремления, приведшие их к захвату и социальному переустройству мессинской общины, с представлениями об обряде «священной весны», во исполнение которого их предки-соплеменники уходили с насыщенных мест под водительством бога-родоначальника в поисках более счастливой и богатой жизни. В знак того, что их предприятие освящено божественной волей, племенной традицией и стремлением к воплощению в жизнь идей золотого века, они приняли наименование «мамертинцев», т. е. детей или людей Марса, по-осски—Мамерса (Fest., 150 L, ср. 117 L). Имя свое они распространили также и на мессинцев, оставленных ими в общине, равно как и на самый город, удерживавший его наряду с прежним наименованием весьма продолжительное время.

Социальные выступления мамертинцев, а также тесно связанных с ними регийских кампанцев имели место в весьма тревожные в политическом отношении времена, когда Сицилия и южная Италия служили ареной жестоких противоречий и открытой борьбы между греками, карфагенянами и римлянами. В эту борьбу были вовлечены также и южноиталийские племена, отставшие в культурном отношении по сравнению с названными только что народами и поэтому испытывавшие особенно сильно политическое и социальное угнетение со стороны могущественных рабовладельческих общин, которые захватывали их территории, черпали из них контингенты своих рабов и наемников, вовлекали их в качестве союзников в свои войны. В III в. до н. э. политическая и социальная борьба в Сицилии и на юге Италии особенно обострилась после смерти Агафокла, в год войны Рима с Пирром и во время Первой Пунической войны, когда значительные массы кампанского и южноиталийского населения были приведены в движение и когда, пользуясь противоречиями этих могущественных политических сил, лукавы и brutтун нападали на прибрежные греческие города и подвергали их разграблению (Dion. Hal., XX, 4).

В связи с указанными событиями рассматривает социальные перевороты в Мессане и Регии уже Полибий (I, 6 слл.). В связь с ними должны быть поставлены также и те социальные движения, которые имели место в Африке во время политического кризиса в связи с поражением карфагенян в Первую Пуническую войну, известное под именем Ливийской войны (241—238 гг. до н. э.). В этой войне, ведшейся ливийскими наемниками и угнетенными местными племенами против Карфагена, значительную роль играли, так же как и в описанных выше событиях, италийские контингенты, а в качестве одного из наиболее знаменитых вождей восстания фигурировал беглый кампанский раб.